

От начала и до самого конца Тан Шэнь так ни разу и не увидел Чжао Фу. Он не смел поднять головы, да и не имел на это права. Когда Чжао Фу удалился, гражданские и военные чиновники, ожидавшие снаружи, стали расходиться в порядке старшинства рангов. Лишь в самом конце пришла очередь учеников, находившихся в зале.

Ректор Линь сказал:

— Тан Шэнь, Лю Фан, Мэй Шэнцзэ, идите за мной.

Все трое тут же последовали за Ректором Линем.

Ректор Линь вывел их из Дворца Пиун и направился к Храму Конфуция, что располагался на заднем дворе Академии Гоцзыцзянь. На полпути они увидели пожилого евнуха с приветливой улыбкой. Держа в руке мухогонку-чучэнь, он ждал их у ворот храма. Заметив Ректора Линя, евнух скользнул взглядом по Тан Шэню и его спутникам и с улыбкой спросил:

— Господин Линь, это и есть те самые три лучших ученика из третьей группы выпускников по результатам экзамена в Академии Гоцзыцзянь?

— Все так, евнух Цзи.

— Тогда позвольте мне проводить их на аудиенцию к Его Величеству.

— Но...

Евнух Цзи с улыбкой посмотрел на Ректора Линя, и тот не посмел больше перечить.

— Как скажете, евнух Цзи.

Евнух Цзи негромко хмыкнул и, развернувшись, бросил:

— Вы трое, следуйте за мной.

— Да, — в один голос ответили они.

На душе у Мэй Шэнцзэ было беспокойно. Шагая следом за евнухом Цзи, он украдкой косился на Тан Шэня и отчаянно подмигивал, безмолвно спрашивая: «Ты понимаешь, что происходит?»

Тан Шэнь и сам пребывал в растерянности.

Откуда ему было знать...

Что огромная выгода, о которой Ван Чжэнь обмолвился полмесяца назад, на самом деле окажется аудиенцией у императора для третьей группы выпускников!

Снаружи Дворца Пиун слуги помогали чиновникам покинуть Академию Гоцзыцзянь.

Большинству тех, кто дослужился до четвертого ранга и выше, уже перевалило за тридцать, и мало кто был моложе. Посещение императором академии Пиун продолжалось целых три шичэня. Все это время государь восседал на троне и зачитывал текст, заранее составленный для него Академией Ханьлинь. Они же все эти три шичэня были вынуждены стоять на коленях снаружи.

Среди огромной толпы сановников лишь Ван Чжэнь шел легкой походкой, отказавшись от

помощи слуги.

Помощник министра Приказа ритуалов, заметив это, с завистью и восторгом вздохнул:

— Ван Цюань действительно молод!

Ван Чжэнь с улыбкой сложил руки в приветствии:

— Господин Ли.

Помощник министра Приказа ритуалов ответил на приветствие и, прихрамывая, оперся на слугу. С его помощью он покинул Академию Гоцзыцзянь и сел в экипаж.

Ван Чжэнь уже вышел из переулочка возле Академии Гоцзыцзянь и собирался сесть в министерский экипаж, когда услышал, что сзади кто-то зовет его по имени. Обернувшись, он увидел поспешно приближавшегося чиновника в расшитом узором тайцзи и багуа халате, чью шапку украшали разноцветные перья фазана.

— Ван Цюань!

Ван Чжэнь отозвался:

— Господин Ли.

Этот господин Ли был совсем не тем Ли, что служил в Приказе ритуалов. Перед Ван Чжэнем стоял Ли Сяорэнь — Глава Астрономического приказа, пользовавшийся особым расположением императора.

Ли Сяорэнь сказал:

— Ван Цюань, вы держитесь бодро, вам даже поддержка не нужна. А я только что отстоял на коленях три шичэня у Дворца Пиюн, и теперь ноги словно свинцом налились, шага ступить не могу!

Ван Чжэнь спросил:

— Господин Ли собирается вернуться в усадьбу и отдохнуть?

Ли Сяорэнь ответил:

— Нет, мне нужно остаться в Академии Гоцзыцзянь. Дождусь, пока Его Величество примет учеников, и вернусь во дворец вместе с ним.

Они обменялись еще парой любезностей.

Ли Сяорэнь подошел чуть ближе и прошептал:

— Премного благодарен Ван Цюаню за его блестящую идею устроить Посещение императором академии Пиюн. После кончины Чжун Тайшэна Его Величество пребывал в дурном расположении духа, подозревая, что помыслы всех ученых мужей Поднебесной обратились к мятежникам и изменникам. Если бы не ваша мудрая подсказка, разве император сменил бы гнев на милость и почтил своим присутствием Дворец Пиюн?

Сам Ли Сяорэнь благодаря этому избавился от необходимости ежедневно терпеть капризы

государя, дрожа от страха навлечь на себя беду.

Ван Чжэнь притворно удивился:

— С чего вы это взяли, Господин Ли? Цзыфэн никогда не обсуждал с императором визит в академию. Разве не вы сами, заботясь о здравии Его Величества, подали это верное прошение?

Ли Сяорэнь на мгновение опешил, а затем поспешно рассмеялся:

— И то правда, Ван Цюань говорит дело.

Ван Чжэнь вежливо поклонился:

— В Финансовом приказе полно дел, разрешите откланяться.

Ли Сяорэнь сказал:

— Счастливого пути, Ван Цюань.

Ван Чжэнь сел в экипаж и направился в Финансовый приказ.

Когда он уехал, ученик Ли Сяорэня, все это время следовавший за ним, тихо спросил:

— Учитель, хотя этот Ван Чжэнь и носит ранг министра второго ранга, вы ведь даже великого главнокомандующего Западного похода ни во что не ставите. Почему же к нему вы проявляете такое почтение?

Ли Сяорэнь ответил ему звонкой пощечиной.

Ученик схватился за щеку:

— Учитель?

— Бестолковый дурак! С такой глупостью ты даже не поймешь, отчего погибнешь! Этот главнокомандующий Западного похода — просто неотёсанный вояка, сильный телом, но лишенный ума. По сравнению с таким хитрым лисом, как Ван Цзыфэн, даже десятку этих главнокомандующих не выстоять против его козней.

— Ваш ученик виноват, — смиренно произнес тот, хотя в душе затаил обиду.

Каким бы скользким и коварным ни был Ван Цзыфэн, стоило Ли Сяорэню шепнуть хоть слово, и государь тайно сжил бы его со свету в темнице, как сделал это с Чжун Тайшэном.

Ли Сяорэнь видел недовольство ученика, но тратить слова впустую не желал.

Будь Чжао Фу воистину безвольным и глупым правителем, готовым слепо слушаться любого совета Ли Сяорэня, разве пришлось бы ему самому дрожать от страха, словно живя бок о бок с тигром, и ежеминутно опасаться за собственную голову? Если бы он осмелился оговорить Ван Цзыфэна перед Чжао Фу, император первым делом приказал бы казнить самого Ли Сяорэня!

Похоже, от этого несносного глупца нужно избавляться поскорее, пока он не навлек на меня беду.

От автора:

Старина Ван: Колени болят от стояния.

Младший Тан: Ты промолчал про аудиенцию! Промолчал!!!

Храм Конфуция при Академии Гоцзыцзянь сильно отличался от тех храмов Конфуция, которые Тан Шэню доводилось посещать в своей прошлой жизни в далеком будущем.

Он располагался позади жилых корпусов Академии Гоцзыцзянь. В обычное время, так же как и во Дворец Пиюн, ученикам вход туда был закрыт. За исключением ежегодного дня памяти Святого Конфуция, только раз в три года, перед Осенним или Весенним экзаменом, ректор приводил сюда будущих конкурсантов для совершения обрядов поклонения и молитвы о благополучном исходе.

Пройдя сначала через Ворота Первого Учителя, а затем мимо стел с именами цзиньши, трое юношей послушно и молча следовали за евнухом Цзи, не смея поднять глаз.

Они шли довольно долго, пока наконец не добрались до Святыни Почитания Святых, расположенного в самой глубине Храма Конфуция. Евнух Цзи взмахнул своей мухогонкой-чучэнь и с улыбкой произнес:

— Мой путь окончен. Прошу вас, входите.

— Благодарим вас, уважаемый евнух, — в один голос ответили они.

Стоявшие на страже у Святыни Почитания Святых императорские гвардейцы распахнули двери. Юноши замерли в нерешительности, не зная, кому идти первым. Тан Шэнь опустил взгляд на темные каменные плиты пола и вдруг сделал первый шаг. Следом за ним в зал вошли Лю Фан и Мэй Шэнцзэ.

Позади них с негромким скрипом закрылись тяжелые створки дверей.

Посреди главного зала Святыни Почитания Святых высилась высеченная из белого нефрита статуя Святого Конфуция в полный рост. В воздухе плыл едва уловимый аромат благовоний с нотами серой амбры. Слева высился изящный резной шкаф, уставленный редкими сокровищами. На правой стене висел свиток с пейзажем — горы в закатных лучах, среди которых величественно вздымалась вершина Тайшань, затмевая все остальные пики.

Тан Шэнь и его спутники подняли глаза и увидели пожилого мужчину в белом одеянии с бледным лицом и аккуратной негустой бородкой, восседавшего на почетном месте. Сердца троих юношей испуганно екнули. Лю Фан и Мэй Шэнцзэ тут же упали на колени. У Тан Шэня привычки кланяться в ноги не было, поэтому он замешкался и стал опускаться лишь после того, как его спутники с глухим стуком коснулись пола. Но не успел он опуститься на колени, как Чжао Фу мягко произнес:

— Поднимитесь.

Стоило императору договорить, как двое стоявших подле него юных евнухов поспешили вперед и помогли гостям подняться.

Лю Фан и Мэй Шэнцзэ растерянно переглянулись. Они были глубоко взволнованы, но в то же время пребывали в полнейшем недоумении.

Даже у тех, кто занимал первые три места третьей группы выпускников на каждом дворцовом

экзамене, никогда не бывало возможности столь близко предстать перед взором Сына Неба! Более того, хотя они трое и были лучшими учениками Академии Гоцзыцзянь и в будущем вполне могли бы увидеть свои имена в золотом списке среди третьей группы выпускников дворцового экзамена, сейчас они оставались лишь цзюйжэнями, а Тан Шэнь и вовсе был простым сюцаем!

Где это видано, чтобы простому сюцаю выпала великая честь лицезреть лик самого императора!

Мысли Чжао Фу были заняты совсем другим. Одетый в расшитое серебряными узорами даосское одеяние, он обратился к ним с мягкой улыбкой:

— Это лишь обычная беседа, не стоит беспокоиться.

— Слушаемся вашего повеления, — в один голос ответили они.

Чжао Фу, казалось, внимательно разглядывал стоявших перед ним молодых талантов. Однако двое хорошо знавших его повадки юных евнухов, заметив, как государь лениво поглаживает край пиалы с чаем, прекрасно поняли: император уже начинает терять терпение.

Полгода назад Чжун Тайшэн по тайному приказу императора был отравлен в темнице, а его кончину обставили как смерть от тяжелой болезни. Вслед за этим за одну ночь в столице лишились жизни семь видных сановников, бывших опорой государства. Но широкой публике оставалось неизвестным то, что в ту же ночь были казнены еще более двадцати мелких чиновников, которые некогда также принадлежали к Фракции Сунцин!

С тех пор Чжао Фу, вспоминая о тех событиях, неизменно мрачнел и затаивал досаду. Лишь полмесяца назад, когда Глава Астрономического приказа Ли Сяорэнь подал прошение устроить Посещение императором академии Пиюн, чтобы привлечь на свою сторону умы ученых мужей Поднебесной, настроение государя немного улучшилось.

Юный евнух подумал про себя: «Подумаешь, тройка лучших по итогам экзамена в Академии Гоцзыцзянь! Еще неизвестно, смогут ли они сдать экзамен на степень цзиньши! За двадцать шесть лет своего правления Его Величество повидал немало первых лауреатов дворцового экзамена, но скольких из них он удостоил своего внимания? Большинство из них до сих пор прозябают в Академии Ханьлинь на непыльных должностях младших составителей! Императору нужно лишь соблюсти приличия, но тратить свое время на этих трех юнцов ему совсем не хочется».